

Неопределенный артикль в болгарском и итальянском языках: функционально-семантические параллели¹

Елена Ю. Иванова

Санкт-Петербургский государственный университет

Виктория А. Лазарева

Университет в Салерно

В статье рассматриваются болгарско-итальянские параллели в функционировании и семантических возможностях именных групп, маркированных неопределенным артиклем. Статус неопределенного артикля в общей системе артиклевых показателей сопоставляемых языков неодинаков: в то время как в итальянском языке определенному артиклю, как и во многих других западных языках, противопоставлен прежде всего неопределенный, в болгарском языке в сфере выражения значений неопределенности наблюдается гораздо большая активность формы с нулевым артиклем. Через призму референциального подхода устанавливается набор употреблений неопределенного артикля и делается попытка выявить инвариантное значение, обуславливающее его сходные семантические вариации в болгарском и итальянском языках.

The objective of the paper is to compare the functions and semantics of nominal groups marked by an indefinite article in Bulgarian and in Italian. The status of the indefinite article in the languages under comparison is not identical: while in the Italian language the definite article, like in many other Western languages, is primarily opposed to the indefinite one, in the Bulgarian language the role of the zero article is much more pronounced in the expression of indefiniteness. Through applying the referential approach, a set of uses of the indefinite article in both languages is established and an attempt is made to reveal its invariant meaning, which causes its similar semantic variations in both languages.

Ключевые слова: категория определенности-неопределенности, артиклевая система, неопределенный артикль, референция, болгарский язык, итальянский язык

Keywords: definiteness/indefiniteness; article system; non-determinative article, reference; Bulgarian, Italian

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-04-00444-ОГН «Грамматические категории в структуре клаузы». Выражаем признательность коллеге Серджо Любелло за консультацию и обсуждение некоторых итальянских примеров.

Введение

Болгарский и итальянский языки располагают набором артиклевых показателей, главной функцией которых является коммуникативно-референциальная (обозначение объекта как известного или неизвестного, упомянутого или нет, уникального или как представителя класса и т.п.). Это влечет за собой многие совпадения в принципах выбора артиклей, прежде всего определенного.

К сфере наиболее существенных отличий в реализации категории определенности-неопределенности, особенно значимых для нашего исследования², относится неодинаковый статус неопределенного артикля в общей системе артиклевых показателей сопоставляемых языков. В то время как в итальянском языке определенному артиклю, как и во многих других западных языках, противопоставлен прежде всего неопределенный (м. р. *un/uno*, ж.р. *una/un'*)³, в болгарском языке в сфере выражения значений неопределенности наблюдается гораздо бóльшая активность безартиклевой формы, т.е. формы с нулевым артиклем (Стаменов 1985; Станков, Иванова 1989; Станков 1995; Асенова 2002: 132 и др.). Нулевой артикль используется и при неопределенно-референтных именных группах (*На дървото кацна **врана***⁴), и при нереферентных (*Той търси **нова секретарка***), и в предикатном употреблении (*Стоян е **студент***), см. разделы 1–3. Неудивительно поэтому, что на таком фоне форма с *един* (*една, едно, едни*) становится инструментом для создания особых прагматически и семантически маркированных значений.

² В данной статье, ориентированной на функционально-семантический анализ, мы не затрагиваем формально-грамматические и морфосинтаксические вопросы сходств и различий в артиклевых системах двух языков, напр. широту охвата данной категорией разных частей речи, различия в морфологическом статусе артиклей и в правилах образования тех или иных артиклевых форм. Мы не будем также отдельно комментировать такое важное различие, как способность итальянских артиклей указывать на категориальные подклассы существительных (прежде всего исчисляемые / неисчисляемые), в то время как в болгарском языке функции артиклей не зависят от класса существительного, а напрямую связаны с коммуникативно-референциальными факторами. Лишь в минимально необходимой степени мы коснемся и особенностей артиклевой маркированности, связанной с реализацией коммуникативных стратегий говорящего.

³ Неопределенный артикль *un* не имеет форм множественного числа; в такой функции в большинстве случаев используется партитивный артикль мн. ч. *dei*.

⁴ Некоторую часть иллюстративного материала в данной статье составляют примеры, обсуждаемые в лингвистической литературе, – как приведенные выше. Используется также материал, извлеченный из лингвистических корпусов: Болгарского национального корпуса (БНК, www.ibl.bas.bg), итальянского корпуса публицистических текстов «La Repubblica Corpus» (LRC, <http://sslimit.unibo.it/repubblica>), в небольшой мере – из других интернет-источников (И) и художественных произведений.

В последующем изложении мы сопоставим семантические и функциональные возможности именных групп (далее – ИГ), оформленных неопределенным артиклем (далее – НА), в болгарском и итальянском языках. В качестве метаязыка для описания различных референциальных употреблений именных групп с неопределенным артиклем (ИГ_{НА}) в работе используется терминологическая система Е.В. Падучевой (Падучева 1985: 86–101). Выделяются основные классы употреблений: 1) референтные и 2) нереферентные ИГ, представляющие собой субстантивные, т.е. термовые, употребления имен, так или иначе вводящие в рассмотрение внеязыковые объекты, и 3) предикатные ИГ, т.е. такие, при которых именное выражение не соотносится с объектами, а означает свойство.

Раздел 1. Референтные употребления

Референтными считаются ИГ, индивидуализирующие объект или множество объектов, рассматриваемых в единстве, т.е. имеющие референт (Падучева 1985: 87). По прагматическому признаку осведомленности говорящего и слушающего в ряду референтных ИГ выделяются: определенно-референтные, слабоопределенные и неопределенно-референтные ИГ.⁵

1.1. Определенно-референтные ИГ (предмет определен и для говорящего, и для слушающего – дейктически, ситуационно или составляет фонд общих знаний). Этот референциальный тип ИГ является основной сферой функционирования определенного артикля (как в болгарском, так и в итальянском языке) и далее рассматриваться не будет.

1.2. Слабоопределенные ИГ (объект известен только говорящему) регулярно оформляются артиклем *един*, см. примеры (1)–(3) ниже. Употребляя слабоопределенную ИГ, говорящий либо показывает свою неуверенность в осведомленности собеседника, либо выражает снижен-

⁵ Выделение типов неопределенности на основе прагматического признака осведомленности говорящего уже можно считать общепризнанным. В болгарской лингвистической традиции, а также в западной лингвистике принято говорить о двух типах неопределенности: специфической, или конкретной («specific»), и неспецифической, или неконкретной («non-specific») (Хокинс 1978; Станков 1995: 104; Лайнс 2003: 35; Ренци и др. 2001: 378 и мн. др.). Специфическая неопределенность соответствует слабой определенности, в терминологии Е.В.Падучевой. Неспецифическая неопределенность объединяет, а точнее – не различает неопределенно-референтные и нереферентные употребления, согласно принятому нами метаязыку описания. Некоторые болгарские исследователи выделяют третий тип – нереферентная неопределенность (Станков 1995: 104), который относится в нашем понимании не к субстантивным, а к предикатным употреблениям. Критический обзор существующих концепций приводится, например, в (Кабакчиев 1990; Косеска-Тошева, Гаргов 1990: 10–14; Буков 2004: 350–377; Маровска 2013).

ную релевантность объекта (в том числе намеренно, для умолчания информации). Как доказано В. Станковым в ряде его работ, *един* здесь выступает как системный маркер, как морфологический показатель слабой определенности, или специфической неопределенности, согласно терминологии, принятой в болгарской лингвистике (Станков, Иванова 1989: 26; Станков 1995). Неопределенный артикль мн. ч. *едни*, имеющий ограниченную сферу действия, характерен как раз для этого референциального типа (3), см. и (Ницолова 2008: 89).

- (1) Доста неща си разбрал. – А бе, **един** приятел, спасител, ни превеждаше (С. Кисьов. БНК).
- (2) Той ми попречи на **една** сделка, от която щях да спечеля много (Д. Димов).
- (3) Миналата година си купих **едни** китайски маратонки и още си ги нося (И).

В итальянском языке слабоопределенные ИГ также оформляются неопределенным артиклем для выражения указанных смыслов:

- (4) È arrivato **un nostro amico** a Roma ‘Приехал *один* наш друг в Рим’⁶.
- (5) Ho scritto una letteraccia a **un inquilino** che ci disturba sempre ‘Я написал письмо *одному* жильцу, который нам все время мешает’ (Ренци и др. 2001: 380, 385).

1.3. Неопределенно-референтные ИГ (объект не определен ни для говорящего, ни для слушающего) – это зона действия обоих показателей неопределенности в болгарском языке.

В типичном случае используется нулевой артикль. Для него характерно употребление в таких тривиальных рематических позициях, как:

а) финальное рематическое подлежащее либо прямое дополнение, вводящие новый объект: *От къщата излезе жена; Някъде откъм гората той чу писъци;*

б) комплексная рема: *Какво прави детето? – Пише писмо. Чете книга;*

в) т.н. «номинативные» предложения, где субстантивная группа – единственный рематический компонент: *Ниви, ливади; Лято; Гълти хора.*

Неопределенный артикль *един* используется при неопределенно-референтном употреблении для нескольких целей. С одной стороны, *един* может снимать акцентирование смысла на признаковом, понятийном компоненте слова – такое акцентирование часто имеют ИГ с нулевым арти-

⁶ Перевод на русский язык как язык изложения применяется в данной статье для всех примеров итальянского языка. Для болгарских примеров русский перевод приводится в особых случаях, важных для подтверждения того или иного положения. Переводы, если не указано иное, сделаны авторами статьи.

клем (*Но там се спотайваше не **звяр**, а **човек***). С другой стороны, на фоне нулевого артикля он подчеркивает единичность⁷ (но не значимость) объекта, вычлняя его из других объектов того же класса:

- (6) Борис седна отпуснато на **една** свободна маса и си поръча кафе (Д. Димов).
- (7) Приблѝжи **едно** хлапе. Не зная какво задърѝжа вниманието ми в него, но го загледах (Й. Хаджиев).

В рамках этого типа употреблений у ИГ_{НА} есть и коммуникативно маркированные позиции, а именно позиции при коммуникативной стратегии «суперпозиция ремы».

Суперпозиция ремы – это, собственно, коммуникативная структура с двумя ремами – акцентированной и неакцентированной. Наиболее важная часть ремы (в примерах (8)–(10) этот сегмент выделен курсивом) акцентируется и выносится в начало предложения, представляя читателю нововводимый объект, остальная часть (тоже рема) дает информацию о проявлении или функционировании объекта. В болгарском языке эта стратегия чаще всего реализуется в художественной прозе, причем является характерной чертой индивидуально-авторского стиля. Как правило, инициальное рематическое подлежащее употребляется с нулевым артиклем, как в (8). Употребление неопределенного артикля *един* при акцентированной реме в данной коммуникативной стратегии соответствует его неакцентированным функциям и оказывается возможным в двух случаях. Во-первых, ИГ_{НА} применяется при столкновении двух изобразительных эффектов: с одной стороны, – «появление на сцене», «введение в рассмотрение» (Фирбас 1992), но, с другой, – неготовность к этому воспринимающего персонажа, отстраненность его восприятия, как в известном примере (9). Ср. с нулевым артиклем из того же текста, подчеркивающим признаки класса (Станков 1995: 91): ***Жена** беше се изпречила на пътя им, хубава жена, а всичко това не предвещаваше нищо добро* (Й. Йовков). Во-вторых, *един* появляется в «рефлексирующем» значении – как показатель некатегоричности, субъективности наименования (10); мы рассмотрим это значение подробнее при предикатных ИГ (раздел 3), где оно, в основном, реализуется.

- (8) ***ОТежка** буца заседна на гърлото му* (В. Голев).

(9) Хайдутите не се трогнаха, те дори не ги [жените] и погледнаха. Тяното внимание беше другаде: ***една** жена* стоеше още на пътя, млада, хубава. И как беше пременена! (Й. Йовков).

⁷ Такие примеры хорошо иллюстрируют справедливость мнения о том, что по некоторым признакам НА ближе к определенному артиклю, чем к нулевому (Пенчев 1984: 75; Маровска 2013: 158).

- (10) *Едно надмощие, едно мъжко надмощие* личеше във всяко негово движение (Елин Пелин).

В итальянском языке неопределенно-референтная ИГ как носитель новой информации при нейтральном порядке слов в типичном случае занимает постглагольную рематическую позицию и, как правило, маркируется неопределенным артиклем (11). Начальная тематическая позиция референтных ИГ с *un*, причем не связанная с акцентным выделением, реализуется гораздо реже и как особый жанровый прием, например, как вариант зачина в сказках (12) или в анекдотах (13). В болгарском языке ситуация в анекдотических жанрах иная: выбор нулевого артикля (в отсутствие акцентного выделения) совершается как раз для подчеркивания анекдотического начала, тогда как ИГ с *един* этот эффект нивелирует (Станков 1995: 115; Иванова 2015), ср. (14а) и (14б):

- (11) È arrivata **una lettera** ‘Пришло [una] письмо’.
(12) Un giorno **un giovane** disse: “A me questa storia che tutti devono morire mi piace poco” ‘Однажды *один* юноша сказал: „Что-то мне не нравится вся эта история со смертью, что все должны умирать“ (Calvino цит. по (Алисова 2009: 145)).
(13) **Un carabiniere** sta passeggiando e... bang! ‘*Один* карабинер прогуливается и ... бум!’ (И).
(14) а. **Обаца** купи на сина си нови обувки. б. **Едно** дете си купува сладолед.

В субстантивных употреблениях неопределенный артикль используется для понижения коммуникативной значимости или указания на незаинтересованность говорящего, на его слабую вовлеченность: *Tu cosa prendi? – Non so... prendo un caffè*. ‘Ты что будешь? – Не знаю... возьму [un] кофе’ (см., однако, и противоположные коммуникативные и эмотивные эффекты в разделе 3). Эта функция затрудняет эмфатизацию и передвижение таких групп в коммуникативно-выделенные позиции, напр. дислокацию влево (Ренци и др. 2001: 387). В то же время примеры (15) и (16) показывают, что и в итальянском языке возможна реализация коммуникативной стратегии, близкой к суперпозиции ремы, рассмотренной выше при анализе болгарского материала, для описания неожиданно нахлынувшего чувства, переживания персонажа, авторской интерпретации происходящего.

- (15) **Un’improvvisa amarezza** mi invadeva, ma non volevo cedere ancora alla delusione ‘[Una /какая-то] неожиданная горечь наполняла меня, но мне не хотелось поддаваться разочарованию’;

- (16) Sorrideva ancora, tuttavia **un'incertezza** era nella sua voce: sembrava temere le mie parole 'Она продолжала смеяться, и все же [una / какая-то] неуверенность была в ее голосе: казалось, она боится моих слов' (Pratolini).

Представление информации как новой открывает возможности для реализации спектра более тонких смысловых импликаций. Это хорошо показывают рассмотренные употребления болгарского *един*. Если *данное* образует смысловую цепочку с 'известное', 'тривиальное', 'привычное', 'ожидаемое', 'близкое' и под., то *новое* задействует такие смыслы, как 'неизвестное', 'нетривиальное', 'непривычное', 'неожиданное', 'далекое'. Ср. описанный выше эффект неожиданного сценического воплощения и отстраненного восприятия. Таким образом, выбор артиклевого показателя регулируется и этими прагматическими смыслами.

В Серианни (2000: 115) в качестве примера альтернативы определенно-го и неопределенного артиклей приводится ситуация в кафе, когда делая заказ, клиент попросит "*Un caffè!*", тем самым сделав выбор из кластера возможных в данном контексте альтернатив (*un cappuccino* '[un] капучино', *una grappa* '[una] граппа' и т.д.). Определенный артикль в подобной ситуации (*Il caffè*) также допустим, но он указывает на то, что клиент является привычным посетителем и всегда берет кофе. По этой же причине несколько неожиданное предложение выпить кофе в семь часов вечера более уместно оформить неопределенным артиклем: *Prendiamo un caffè?* 'Будешь кофе/ Может, кофе?', а традиционное приглашение на чашечку кофе в десять утра потребует определенного артикля: *Prendiamo il caffè?* Кофе 'будешь/ Кофе?'.

Раздел 2. Нереперентные употребления

Нереперентные ИГ не соотносятся с конкретными объектами, то есть объекты мыслятся как существующие, но не индивидуализированные.

2.1. Экзистенциальные ИГ. В экзистенциальных ИГ (объект не выбран из представленного множества или из абстрактного множества – экстенционала общего имени) употребляются, вообще говоря, не столько артикли, сколько лексические показатели (неопределенности, всеобщности, дистрибутивности и т.п.): *Всеки от вас може да направи това; Навънкя нямая никой; Някои жени не обичат цветя*. Но если говорить только о случаях артиклевой маркированности, то, несомненно, практически вся область экзистенциальной нереперентности в болгарском языке находится в ведении нулевого артикля: *Тя иска да се омъжи за швед; Искам да послушам хубава музика; Той се нуждаеше от учител и не можеше да го намери* (З. Златанов).

Употребление артикля *един* связано здесь с подчеркиванием значения «один из многих возможных» (Зидарова 1996): *Измислете за утре вечер едно хубаво заведение с музика*. Однако далеко не каждый контекст позволяет очертить такую ситуацию выбора. Если именное выражение обращено ко всему экстенционалу понятия без суживающих его значение характеристик, то ИГ с *един* может получить экземплифицирующее (иллюстрирующее, вводящее объект в качестве примера) значение⁸:

- (17) *Ако поканиш един чужденец на вечеря и трябва да му сервираш нещо типично българско, какво би избрал? 'Если пригласишь, например, иностранца на ужин и хочешь угостить его чем-то типично болгарским, что бы ты выбрал?'*

В итальянском языке, в отличие от болгарского, основная область действия экзистенциальной нереферентности находится в ведении неопределенного, а не нулевого артикля. Обратим также внимание на употребление НА в контексте экземплификации (в примере (20) она выражена эксплицитно через *per esempio* 'например'), предполагающей альтернативу при выборе заполнителя актантной позиции в контекстах снятой утвердительности⁹.

- (18) *Se vedi una persona dall'aria sospetta, avvisaci 'Если увидишь [una / кого-нибудь] подозрительного, предупреди нас' (Ренци и др. 2001: 663).*-
- (19) *La Juve cerca uno straniero da affiancare a Platini (si parla di Francis o di Laudrup) 'Ювентус ищет [uno] иностранца в помощь Платини (поговаривают о Франсисе и Лаудрупе) (LRC).*
- (20) *Se per esempio un veggente dice: «Lei ha qualcosa a che fare con l'Africa», ognuno può trovarci un aggancio personale: può avere fatto un viaggio in Kenia, oppure avere uno zio in Tunisia ... 'Если, например, [un / какой-нибудь] ясновидец говорит: «Вы имеете какое-то отношение к Африке», каждый может найти [un / какую-нибудь] личную зацепку: может быть [un] путешествие в Кению или [un] дядя в Тунисе (LRC).*

⁸ Мы не рассматриваем случаи, когда прибавление *един* меняет статус ИГ на референтный, ср. *Предприятието търси чистачка* и *Предприятието търси една чистачка*. Последнее предложение может быть истолковано со слабоопределенной или неопределенно-референтной ИГ.

⁹ Контексты снятой утвердительности создают: модальные слова, повелительное наклонение, вопросы, отрицания, условия, предположительность, нереальность и др. (Падучева 1985: 94).

В целом, в итальянском языке нереферентные экзистенциальные ИГ, в сравнении с другими типами референциальных употреблений, чаще всего допускают артиклевые альтернативы. Основные типы контекстов с конкуренцией артиклем описаны в (Ренци и др. 2001: 388–397).

Таким образом, при кардинально различном оформлении типичных случаев экзистенциальной референции (нулевой артикль в болгарском и неопределенный артикль в итальянском языке), периферийные зоны в обоих языках допускают и другой показатель неопределенности. В любом случае в обоих языках присутствует зона референциальной амбивалентности при ИГ_{НА}. Уточнение референциального статуса ИГ_{НА} в сопоставляемых языках проводится на основании общих критериев различения референтных и нереферентных ИГ, связанных со статусом пропозиции, с употреблением показателей свидетельственности, фактичности, ср. слабоопределенные ИГ_{НА} в болгарских и итальянских примерах в случаях (а) и нереферентные в случаях (б):

- (21) а. No scritto una letteraccia a **un inquilino** che ci disturba sempre ‘Я написал письмо одному жильцу, который нам все время мешает’. б. Non ha ancora trovato un inquilino per affittargli l’appartamento ‘Он еще не нашел жильца, чтобы сдать квартиру’ (примеры Ренци (2001)).
- (22) а. Измислих за утре вечер **едно** хубаво заведение с музика. б. Измислете за утре вечер **едно** хубаво заведение с музика (примеры Зидаровой (1996)).

2.2. Универсальные ИГ. В универсальных ИГ предполагается отсылка к неопределенному нефиксированному множеству объектов, сформированному по интенциональному признаку (*Все дети любят мороженое*). Универсальные ИГ соотносимы с квантором всеобщности, поэтому в болгарском языке используется (если отсутствуют другие кванторы) определенный артикль «полного охвата»: *Конете ядат сено*; *Славеите пеят хубаво*. Аналогичные употребления определенного артикля отмечаются и в итальянском языке: *I leoni sono feroci* ‘Львы – хищные животные’.

2.3. Родовые ИГ. Родовые ИГ подразумевают типичного представителя класса. В болгарском языке, помимо неопределенного и нулевого, здесь используется определенный артикль в генерическом значении, в основном в высказываниях классифицирующего типа: *Тополата е растение*; *Млякото е полезно*.

Неопределенный артикль *един*, как правило, подчеркивает, что речь идет не просто о типичном, а об эталонном представителе класса, причем взятом в совокупности своих лучших признаков. Наиболее частотный контекст для такого употребления – контекст «поучения», «замечания»;

при этом подразумевается, что собеседник (или другое лицо) не соответствуют признакам данного класса (23)–(24). «Эталонность» является наиболее частым, но не обязательным контекстом употребления родового *един*, см. значение просто типичного («парадигматического» (Падучева 1985: 98)) представителя класса в (25)–(26):

- (23) **Един** ръководител е длъжен да уважава подчинените си.
- (24) **Една** самоуверена жена със самочувствие и стил винаги постига целите си.
- (25) **Един** мъж може да започне всичко отначало и на четиридесет години, но **една** жена – не може (С. Стратиев).
- (26) Какво кара **една** чанта да струва колкото огромно имение? (И).

Нулевой артикль на этом фоне выбирается в двух специфических случаях: а) ИГ содержит некоторое ограничение класса (Хауге 1987; Станков 1995: 116–117), идею неполного охвата множества, что выражается в сужающих род признаках (далее выделены): *Компанията ще откаже превоз на [пътници, които не представят необходимите документи]; [Нередовен пътник] заплаща, освен цената на билета, и глоба*; б) ИГ находится в позиции несогласованного определения: *За какво ти е тяло на атлет, в което време душа на кретен?* (В. Даверов).

В итальянском языке родовые ИГ могут оформляться неопределенным или определенным артиклем, как и в болгарском, но не нулевым: *Un leone è sempre feroce* ‘Лев всегда хищен’; *Il leone è feroce* ‘Лев – хищное животное’. ИГ_{НА} указывая на эталонного представителя класса, получает генерическое прочтение только в контекстах деонтической или эпистемической модальности, т.е. когда субъекту приписывается некий ингерентный / неотъемлемый, должный категориальный признак (27), что, в целом, соответствует условиям употребления и болгарского НА в родовом значении. В итальянском языке НА возможен и в условиях сужения класса, об эталонном представителе которого идет речь (28). В подобных условиях, как мы видели ранее, НА употребляется и в болгарском языке.

- (27) **Una barzelletta** fa ridere (= *Una barzelletta deve far ridere, se no che barzelletta è?*) ‘Анекдот смешит (Анекдот должен смешить, иначе разве это анекдот?)’
- (28) **Un bambino coraggioso** non piange! ‘[Un] Ребенок смелый не плачет!’ (примеры Ренци (2001)).

В целом, как видим, зона амбивалентности высказываний с НА значительно шире в итальянском языке, где и референтные (слабоопреде-

ленные и неопределенные) и нереферентные ИГ могут оформляться неопределенным артиклем, что создает условия для омонимии ИГ в единственном числе. Для разрешения амбивалентности высказываний, допускающих неоднозначную интерпретацию неопределенного артикля, Ренци предлагает проверку ИГ на возможность замены квантифицирующим сочетанием *uno...qualunque/qualsiasi* ‘[один] какой-нибудь, любой’ или на прономинализацию местоименной клитикой *ne* с партитивным значением. Слабо- и неопределенно-референтные ИГ такой замене не подлежат (Ренци и др. 2001: 380). Например:

- (29) а. Giovanni cercava **una pipa** che aveva messo via tempo prima. Ma non la trovava / *non ne trovava ‘Джованни искал [una] трубку, которую убрал давно. Но не находил ее’. б. Giovanni cercava **una pipa di radica**. Ma non ne ha trovata nessuna. / *non l’ha trovata. ‘Джованни искал [una] трубку из корня шиповника. Но не нашел ни одной’.

Таким образом, НА в итальянском языке покрывает весь спектр нереферентных значений. В связи с многозначностью НА в сфере квантифицирующей семантики различение частных нереферентных употреблений порой оказывается невозможным в узком контексте¹⁰. Так, например, ИГ *un russo* в *Un russo dovrebbe saperlo* ‘[Un] русский должен бы это знать’ может получать разные прочтения:

- а) экзистенциальное, дистрибутивное (‘каждый русский’);
- б) родовое (‘всякий русский’) и даже осмысляться как:
- в) определенно-референтное, осложненное предикативным значением (*Un russo dovrebbe saperlo* ‘Тебе как русскому положено это знать’).

Раздел 3. Предикатные употребления

В предикатных ИГ, приписывающих признак, нормой для болгарского языка является употребление нулевого артикля: *Той се оказа лъжец; Вечеринката беше направилa от селското момиче фея* (В. Колев). Основные синтаксические позиции для предикатных ИГ – это позиции именного сказуемого, характеризующего приложения, сравнения, а также ИГ при глаголах трансформации (Падучева 1985: 99).

¹⁰ Разумеется, референциальный статус имени зависит от многих внутренних характеристик предложения, прежде всего «определенности» целой ситуации, выражаемой в том числе и видо-временными формами глагола. Эти вопросы хорошо описаны в лингвистической литературе, в частности в болгаристике (Лакова, Гаргов 1985; Станков 1995: 108, 134; Зидарова 1996; Ницолова 2008; Маровска 2013 и др.), в этой статье у нас нет возможности на них останавливаться.

Наиболее распространенное значение предикатной ИГ «включение в класс» (таксономическое значение) выражается в болгарском языке нулевым артиклем: *Тя е счетоводителка*. Употребление ИГ_{НА} при выражении чисто таксономического значения невозможно: *един* появляется лишь как указатель на дальнейшую характеристику. Такая ИГ имеет подчеркнuto рематизирующий характер («обещание продолжения»); характеризующие признаки вводятся обычно в рамках самой ИГ (30) или в парцелированной конструкции с лексическим повтором классифицирующего наименования (31):

- (30) Това беше **един** мач, пълен с емоции до последната секунда (БНК).
- (31) На прага застава строен момък с хубаво, малко начумерено лице. **Едно** лице, което ми изглежда и познато, и чуждо, **едно** лице, което ми напомня за Любо и в същото време е тъй различно от лицето на Любо (Б. Райнов).

Близким по функции является указание на нетривиальный лексический выбор номинации. *Един* ориентирует читателя на то, что далее следует не типичное („таксономическое“), а индивидуально-авторское наименование класса, т.е. субъективное обозначение. Иначе говоря, присоединение *един* здесь маркирует отсутствие автоматизма при подведении под понятийный (под)класс, т.е. под частный вид объекта, ср. далее в этом же смысле понятие «альтернативы», или внутриклассовой множественности, которое используется при описании значений итальянского неопределенного артикля. Особой экспликацией этой функции является уподобительное значение, наиболее явно представленное при переосмыслениях и переносах (лицо – животное, лицо – предмет и т.п.), как в примере (34). Интересно, что и артикль мн. ч. *едни*, у которого практически основной сферой функционирования являются слабоопределенные ИГ (см. раздел 1), также активен в подобных переосмыслениях (35)-(36):

- (32) Изведнъж се сетих за подранилата череша, булчински накинчена в цвят, която видях тая заран. Бе **едно** бяло чудо (Б. Димитрова, БНК).
- (33) Мълчанието ми бе **едно** малко отмъщение (А. Стойчев, БНК).
- (34) Той беше ротмистър от гвардията, **една** кукла, **един** пуяк в червена униформа (Д. Димов).
- (35) Ако гледаме каталожната красота, те си приличат прекалено много. Да вземем фотомоделите – всички ли трябва да са като Наталия Гуркова, например? *Тогава ще станат едни гурковчета...* Едва ли това е красотата. По-скоро е търсенето на идеалната форма (БНК).

- (36) Някога в Нюйорк по твое време, струва ми се, е имало трамваи – продължи Бентам. – *Такива едни* улични електрически влакчета, нали? (Л. Дилов, БНК).

Часть подобных употреблений НА можно определить как «рефлексирующее» *един*: говорящий как будто, раздумывая, подбирает подходящую характеристику. Эта субъективность совершаемой автором номинации может сопровождаться оборотами, которые показывают, что данная характеристика или субъективная классификация идет условно, с некоторым интеллектуальным напряжением: *така да се каже, бих го нарекъл, изобицо казано* и др.: *Поезията на Николай Кънчев е като че едно* вечно завръщане към изворите на битието (С. Игов). Благодаря этому *един* может отражать само замедление речевого процесса и в такой функции являться заполнителем коммуникативной паузы при подборе нужных слов для обозначения класса, к которому будет отнесен объект характеристики. Вот, например, как зафиксирован (многократное повторение) поиск подходящего выражения Й. Радичковым, который рассуждает о позиции многих писателей в период культа личности: *Това е едно... едно падане на колене, едно отстъпление* (Пламяк. 1990. № 9).

Иногда *един* в рефлексирующем значении считается неопределенным местоимением. Его отличие от «типичного» неопределенного местоимения, напр. *някакъв*, хорошо показывает пример (37), где *един* – это не показатель неопределенности объекта, а маркер неуверенности говорящего в производимой номинации. Использование в том же контексте ИГ *някакъв фонтан* обозначало бы лишь неизвестность для говорящего объекта, относящегося к ряду однотипных объектов (фонтанов). Показательно для подобного *един* сопровождение еще одним лексическим маркером поиска наименования, а именно местоимением *такъв* (38):

- (37) Когато самолетът започна да се приземява, първото, което видях от забулението все още в синява мъгла, *бе един висок бял фонтан* – Това не е фонтан, а статуя – предположи Митко. – Да бе, статуята на свободата ... (М. Пенчева, БНК).
- (38) И тя, и аз си стояхме съвсем неподвижно, но сервитьорката бе усетила флуидите и ставаше раздражителна. Тя отдавна ми беше хвърлила око, гледаше ме все сам, *бе една такава* страстна с татарско лице и сини очи, които лесно стават злобни (П. Пейчев, БНК).

Возможны случаи, когда говорящему так и не удается осуществить нетривиальную номинацию: *Ти беше един такъв.... – Не принц. – усмихна се Гриша. – Да* (И).

Лексико-синтаксическая структура предикатной именной группы с *един* определяет спектр оценочных и экспрессивно-оценочных коннотаций. Так, известное усредняющее значение *един* (указание на обладание только указанным классифицирующим признаком) является переосмыслением таксономического значения и появляется при одиночных классифицирующих существительных в сопровождении «усредняющих» лексем и оборотов (39). При характеризующих номинациях эмоционально-оценочные коннотации обусловлены семантикой приписываемого признака; они варьируются от сочувствия до уничижительной, принижающей характеристики, см. из произведений Б. Райнова (40). С ИГ, включающими классифицирующие существительные с одиночными оценочными определителями, *един* способно выступать как интенсификатор оценки, перенося на него основную смысловую нагрузку (41):

- (39) а. Аз съм **един** учител и *нищо повече*. б. [Колев] е **един** *обикновен* завеждащ кабинет по вътрешни болести (М. Радев).
- (40) а. Дора е **едно** нещастно същество и аз съм правил опит да ѝ помогна ‘Дора – *просто* нещастное същество’. б. Тя бе това, което бе и той – **един** неудачник.
- (41) а. Това беше **един** *страхотен* сезон за мен. б. Това беше **едно** *незабравимо* преживяване! в. Беше **едно** *отвертително* пътуване!

Другие значения *един* в предикатных ИГ считаются менее грамматализованными, приближающими *един* к интенсифицирующей частице; такая семантическая трансформация свойственна, как мы увидим далее, и итальянскому НА:

а) эминентное / эмфатическое значение (42), подчеркивающее высокую степень проявленности признака (ср. рус. *такой*). Интенсифицируемый признак может быть не обозначен в рамках самой ИГ, тогда *един* эксплицирует лишь ненормативность параметров объекта, а сам ненормативный признак может быть раскрыт в последующем контексте, как в (42г):

- (42). а. А ръцете ѝ **едни** топли, топли! ‘А руки у нее такие теплые-теплые!’. б. А баща ѝ беше **един** сърдит! в. Аз я гледах, гледах, па ми хареса. Пълна такава, здрава, **едно** весело лице! (Е.Пелин). г. Прасето... То има **една** зурла, половин метър напред стърчи (Й. Радичков);

б) пейоративное (противоположное эмфатическому), подразумевающее недостаточную проявленность типичных признаков объекта или вообще ставящее под сомнение наличие таких признаков, см. и русские фразеосхемы, передающие это значение:

- (43) а. Дъщеря ми взима уроци по пиано, ама **едни** уроци... – губене на време ‘Дочь берет уроки игры на фортепиано, но что это за уроки – только трата времени’. б. А и той е **един** Мегре! Какъв-то е заваян! (Ч. Шинов) ‘Тоже мне Мегре!/ Какой он Мегре! Такой рассеянный...’.

В итальянском языке предикатные употребления показывают, с одной стороны, кардинальное отличие артиклевой маркированности в центральных (таксономических) употреблениях, с другой, – определенное сходство в переосмыслениях и трансформациях НА.

Неопределенный артикль используется при типичных употреблениях, указывающих на вхождение в класс, а характеризующие смыслы передаются, в общем случае, безартиклевыми ИГ. Так, согласно Ренци, в (44а) устанавливается принадлежность субъекта к классу инженеров (экстенциональное употребление), а в (44б) происходит «идентификация» (это термин автора) через интенциональность концепта «инженер», т.е. Карло обладает качествами инженера; иначе говоря, в случае (44б) предикат функционирует подобно прилагательному:

- (44) а. Carlo è **un ingegnere**. б. Carlo è **_ ingegnere** (Ренци, Ванелли 1975: 81).

Наблюдения Корзена показывают, что, если субъектом предикации является человек, то ИГ с нулевым артиклем может указывать на типичные признаки, описывающие человека (социальную роль, профессиональный статус, возраст и под.), т.е. объективно верифицируемые абстрактные характеристики. Между тем предикаты с неопределенным артиклем обозначают конкретную, дискретную «сущность» (Корзен 1982: 157–159; 1996: 219–220), см. его же пример:

- (45) Tommaso ... dice che Socrate è **un uomo**, ma non esprime il modo irripetibile in cui Socrate è **uomo** (Rovighi) ‘букв.: Томмазо... говорит, что Сократ – [un] человек, но не говорит о неповторимом способе Сократа быть человеком’.

Итальянский неопределенный артикль – подобно болгарскому – способен повышать «коммуникативный динамизм» (Фирбас 1991: 198), давая посыл к дальнейшему развитию повествования. Как и болгарское *един*, он служит «мостиком» между общим наименованием класса и его сужением:

- (46) E qui finisce l'intervista con Laura Morante, **un'attrice** di cui sentiremo con tutta probabilità parlare molto negli anni a venire ‘И

здесь заканчивается интервью с Лаурой Моранте, [una] актрисой, о которой, очень вероятно, мы еще не раз услышим в будущем' (пример Корзена (1982: 155)).

Как и в болгарском языке, именно НА используется при любых сдвигах семантики в сторону смысловых трансформаций. Приведем ряд показательных контекстов.

Так, отмечается (Корзен 1982: 164), что предикаты, содержащие оценочный компонент или допускающие переносное употребление, могут получать двойное прочтение (классифицирующее и характеризующее) в предикативной ИГ_{НА} (47), в то время как безартиклевые употребления допускают только характеризующее толкование по профессиональным признакам (48), ср.:

- (47) Giorgio è **un macellaio**
а) 'Джорджо – [un] мясник, по профессии' (– оценочная составляющая)
б) 'Джорджо – плохой хирург' (+ оценочная составляющая).
(48) Giorgio è – **macellaio** 'Джорджо – мясник'.

Отсюда автор делает вывод, что итальянский неопределенный артикль при субстантивном предикате не всегда имплицитно оценивает составляющую, но предикат, содержащий оценочный компонент, всегда требует неопределенного артикля: *Sei un mostro / un cretino / un genio* 'Ты [un] монстр / [un] кретин / [un] гений'.

Те же свойства НА маркировать нестандартность признаков реализуются в контексте сравнения, – как в позиции именной части сказуемого (49), так и при глаголах *parere* 'казаться', *sembrare* 'казаться/походить' (50). На необычность сравнения могут указывать и лексические показатели (51):

- (49) Fuori dalla mia vita: sei **una persecuzione!** 'Вон из моей жизни: ты [una] наказание!'
(50) Sembri **un prete** 'Ты похож на [un] попа' (Корзен 1982: 163, 164).
(51) A farla breve, <...>; era divenuto, per così dire, **un vecchio paralume**: uno di quelli sforacchiati che male schermano la lampada... (Landolfi) 'Короче говоря, он превратился, так сказать, в [un] старый абжур: один из тех дырчатых, плохо закрывающих лампочку'.

НА в субъективных характеризующих номинациях может отражать эмоциональную вовлеченность говорящего, выделяя, как в (52), именно коммуникативно и эмотивно значимую номинацию на фоне других.

- (52) Olga rappresentava la mia quiete, il mio inconfessato segreto, quanto Marisa significava **un fastidioso peccato**, la mia colpa di uomo perpetua nei giorni ‘Ольга была [la] моим спокойствием, [il] моей исповеданной тайной, а Мария была [un] тягостным грехом, моей мужской виной, отягощавшейся со временем’ (Pratolini).

Подобно болгарскому *един*, НА итальянского языка допускает „рефлексирующее“ употребление, при котором артикль показывает, что поиск подходящей классифицирующей номинации открыт (в выделенной ИГ ниже это *un* перед многоточием). При выдаче результата поиска НА может вносить и оттенок неуверенности в точности совершаемой номинации (*un* после многоточия):

- (53) – Se non fossi una donna, saresti un uomo; e non sei. – Così pensi: ma in realtà si può essere un che di mezzo. – **Un... un ermafrodito!** ‘Если бы ты не была женщиной, ты бы была мужчиной, но ты не мужчина. – Так ты думаешь, но на самом деле можно быть чем-то наполовину. – [Un]... [un] гермафродит!’ (Landolfi).

Некатегоричность подведения под класс, одно из значений болгарского *един*, в итальянском лучше выражается при помощи сочетания неопределенного артикля и таксономического термина *specie* ‘вид’ – *una specie di* ‘что-то вроде’ (54), ср. и болгарский пример (55):

- (54) Che era poi **una specie di capitolazione**, ma tutto sommato l’angoscia restava... ‘Это была [una] своего рода капитуляция, но тревожное состояние все же не проходило...’ (Landolfi).
(55) Обувките са **един** вид паспорт. ‘Туфли – это что-то вроде паспорта/ это своего рода паспорт’.

Интенсифицирующие употребления, отмеченные для болгарского *един*, свойственны итальянскому НА при абстрактных неисчисляемых именах в характеризующе-оценочных номинациях с эллиптированным определителем, указывающим на крайне высокую степень проявления признака.

- (56) **Un** [grande] coraggio! ‘[Un] Какая [большая] смелость!’
(57) **Una** bellezza [non comune]! ‘[Una] Какая красота [необыкновенная]!’.

Заметим, что выражение пейоративных значений не характерно для итальянского неопределенного артикля, а эмфатическое реализуется при особом интонационном выделении именной группы.

В функциональном спектре именных выражений с НА в обоих сопоставляемых языках выделяются несколько типов употреблений, которые являются, по Е.В. Падучевой, субстантивными, однако включают и предцирующий, характеризующий компонент в тех же семантических вариантах, что описывались выше. В этой своей способности ИГ_{НА} к **сдвоенности денотативных статусов** (референция + предикация/характеризация) болгарский и итальянский языки показывают много общих моментов.

1. Во-первых, это эмфатическое, эминентное употребление, которое, хотя и встречается чаще в чисто предикатных позициях (примеры (42)), возможно и в позиции объекта бытия при предикатах существования, проявления и функционирования объекта (58)–(61), иное редко, что объясняется нехарактерностью эмфатизации ИГ_{НА} в тематических позициях. Во всех примерах ниже ИГ_{НА} находится в реме, включая инверсированную рематическую группу *един глад* в (61). Эминентное значение подчеркивается, помимо лексики и контекста, и грамматически – интенсифицирующим множественным числом *дъждове* в примере (58).

- (58) Трябваше още преди седмица да го направя това, ама валяха **едни** дъждове, текоха реки (И).
- (59) Аз лично съм се учудвал как е възможно огромни торби и чанти да минават за ръчен багаж. После в самолета се започва **едно** тъпкане, **едно** набутване в багажните отделения, направо не е за разправяне (И).
- (60) После Митака <...> покани, който иска, да сяда и да яде. Наста на **една** блъсканица, като в стола (С. Стратиев).
- (61) **Един** глад ме налегна! (И).

2. Дискуссионной зоной конкуренции нулевого и неопределенного артиклей в болгарском языке считаются случаи, где ИГ с *един*, будучи референтной, выполняет функцию, описываемую как периферийное, «факультативное» использование НА, или как «экспрессивное» употребление, или как «подчеркивание неопределенности». Эти употребления особенно характерны для ИГ с непредметными существительными (отглагольными, абстрактными), содержащими характеризующие определители. Такие широко распространенные в современном литературном языке случаи, действительно, отражают, как выразилась Р. Ницолова (2008: 100), некоторую «эмоциональную ангажированность», по сути близкую тому, что мы описывали в связи с рефлексивным *един* и с ситуациями «нетривиального лексического выбора». Иначе говоря, говорящий, используя *един*, хочет обратить внимание слушающего, что далее последует важная номинация, обычно имеющая характеризующую функцию и отражающая субъективное мнение автора речи (62)–(63). Эти ИГ, с нашей точ-

ки зрения, имеют сдвоенный денотативный статус, ср. помещение предцирующего значения в отдельную предикацию как вариант для (62): *Те дори бяха готови да повярват наистина в това, което е/беше една лъжа.*

- (62) Те дори бяха готови да повярват наистина в **една лъжа** (БНК).
(63) Не разбирате ли, че унищожавате **едно** страшно оръжие...
(П. Вежинов).

Думается, что есть и еще один важный семантический эффект такого употребления. Как известно, в болгарском языке в синтагмах с препозитивными определителями при безартиклевом употреблении (т.е. при нулевом артикле) основное синтагматическое ударение падает на определители. Таким образом, определитель семантически неизбежно несет на себе более значимую нагрузку, чем определяемое. В ИГ с *един* этот эффект переноса акцента на определитель устраняется, *един* вводит характеризующую номинацию целиком. Этот эффект *един* описывался ранее в болгаристике как его экзистенциальное значение (сообщение о существовании объекта), которому одновременно приписываются и характеризующие признаки, см. показательные примеры из (Ницолова 2008: 100):

- (64) Това положение предопределя **един** абсолютен дисонанс между преподавател и обучаем («Бълг. армия»);
(65) Държавата е почти блокирана от **едно** корумпирано чиновничество.

Итальянский НА подобным же образом способен указывать, что объект представляет собой частную разновидность определенного класса объектов. Это значение НА реализуется в сочетании с характеризующим определителем при именах недискретной или неотчуждаемой семантики, где НА вводит одну из возможных реализаций («альтернативу», согласно Ренци (Ренци и др. 2001: 384)) понятия, т.е. указывает на весьма определенный тип объекта, ср. (66)–(67) при невозможности: **Aveva un naso* ‘У него был [un] нос’; **Dopo quell’anno, nella regione regnò una pace* ‘После того года в регионе воцарился мир’.

- (66) *Aveva un naso butterato* ‘У него был [un] рябой нос’
(67) *Dopo quell’anno, nella regione regnò una pace stabile / una pace senza precedenti* ‘После того года в регионе воцарился стабильный мир / беспрецедентный мир’.

Такое употребление НА приближается к предикатным, когда речь идет об отнесении к классу или, в случае «подкласса» (типа, рода, вида) объектов, – к авторской или «субъективной номинации». Вообще говоря,

для НА отмечена возможность употребления в значении „некий“, „особенный тип чего-л.“ и без дополнительной характеристики, например, с абстрактными существительными, ср.: *qui si è formata un carattere e degli affetti* ‘здесь у нее сформировался [un] характер и привязанности’ (Pratolini) (Серианни: 2000: 128).

В неформальном стиле встречаются употребления, соотносимые с описанным выше эминентным значением болгарского *един*: *Ho avuto un tale spavento; Ho preso una paura* ‘букв.: Я получил [una / такой] испуг. – Я так испугался’, которые в итальянских грамматиках трактуются как эллиптированные предложения с опущенным определением вида: *da non raccapazzarmi* ‘что не разберешься’, *da perdere i sensi* ‘до потери чувств’, *da non poter dire* ‘что невозможно описать’ и под. (Серианни 2000: 208; Ренци и др. 2001: 384). Возможность опущения подобного рода определений, как кажется, обусловлена их устойчивым, порой идиоматическим характером и общей семантикой – все они указывают на интенсивный характер проявления признака. Ср. также примеры, которые переключаются с рассмотренными выше чисто предикатными (56)–(57), но референциальный статус ИГ в (68)–(69) неоднороден:

- (68) Aveva **una** paura! / **un** sonno! ‘[Он] испытывал [una / сильный] страх! / [un / сильное] желание поспать!’
- (69) Ci vuole **un** coraggio... ‘Нужна [un / большая] смелость...

По поводу функционирования НА в составе таких ИГ (как в предикатном, так и в комбинированном употреблении) в Большой итальянской грамматике отмечается, что НА здесь указывает на неопределенность (Ренци и др. 2001: 341). Однако более обоснованной для подобных эмоционально-оценочных употреблений представляется трактовка НА как интенсификатора, ср. (Серианни 2000: 12). На то, что НА может приносить увеличительную семантику в составе определенных глагольных конструкций, образованных с абстрактными, неисчисляемыми существительными, указывается также в (Корзен 1982: 149). Заметим, что речь идет, главным образом, о конструкциях, описывающих перцептивное состояние: *avere fame/sete/sonno/freddo...* ‘[иметь] чувствовать голод/жажду/сонливость/холод’; *provare invidia* ‘ощущать/переживать зависть’; *fare piacere/pena...* ‘[некто] вызывает приятное ощущение/жалость’).

Итак, в определенных условиях (при выражении эмоционального состояния или оценки) НА в итальянском языке, как и в болгарском, реализует особый тип употребления – интенсифицирующее. Выражение этих значений поддерживается соответствующей интонацией.

Отметим, что для ИГ во мн.ч. итальянским эквивалентом интенсифицирующего болгарского *един* выступает неопределенное прилагательное *certo/certi* ‘некоторый/некоторые’.

- (70) La vecchia Fouillot ti prepara i pasti, e sa fare **certe minestre**, caro mio, **certe minestre!** e i dolci, **certe torte**, amico mio, **certe torte!**... ‘Старуха Фуйо готовит для тебя обеды и ужины, и она готовит [certe] такие супы, мой дорогой, [certe] такие супы! и сладости, [certe] такие торты, друг мой, [certe] такие торты!’ (Lanza Del Vasto).

Результаты исследования и теоретические выводы

1. **Результаты исследования.** Сопоставительный анализ семантических и функциональных особенностей неопределенного артикля в болгарском и итальянском языках с позиций референциального подхода позволил выявить зоны как принципиального отличия, так и значительного совпадения в употреблении болгарского *един* и итальянского *un*.

Значения граммем категории определенности-неопределенности в болгарском и итальянском языках различаются, прежде всего, тем, что главным носителем значения неопределенности для болгарского языка является нулевой артикль, а для итальянского языка – неопределенный. Итальянский артикль *un* выступает как системный маркер неопределенности для основных типов референциальных употреблений: субстантивных (референтных и нереферентных) и предикатных. Болгарское *един* участвует в указанных типах употреблений в одних случаях – как системный маркер, в других – для выражения частных оттенков значения или для семантических приращений.

Как мы показали, наименьшая область контраста представлена слабоопределенными употреблениями, где в обоих языках используется – без конкуренции – неопределенный артикль¹¹; при этом для болгарского языка это единственная зона системности маркера *един* как морфологического средства, а в итальянском языке – лишь одна из зон широкой сферы неопределенности, в которой он выступает как основной маркер.

Значительные расхождения между языками наблюдаются в неопределенно-референтных и нереферентных экзистенциальных употреблениях, где именная группа в болгарском языке принимает, как правило, нулевой артикль, а в итальянском – неопределенный.

Именные группы с неопределенным артиклем в обоих языках допускают, при определенных условиях, родовое толкование, но ни болгарское *един*, ни итальянское *un* не образуют универсальные именные

¹¹ Для выражения значений неопределенности в итальянском языке используется и партитивный артикль ед. и мн. ч., однако его употребление не составляет конкуренции неопределенному артиклю, поскольку его выбор определяется морфологическими, а не семантическими причинами (лексико-грамматическим разрядом существительного и числом).

выражения, отсылающие ко всему множеству объектов, подводимых под данное понятие.

Зону контраста представляют и ядерные предикатные употребления, прежде всего классифицирующие предложения, где используются основные артикли неопределенности: нулевой в болгарском, неопределенный в итальянском языке.

Однако анализ широкого спектра характеризующих предикатных употреблений показал, что болгарское *един* может иметь значение, приближающееся к классифицирующему. В предикатных именных группах наблюдается также сближение функций сопоставляемых неопределенных артиклей для выражения особых семантических и прагматически маркированных оттенков. Близкие черты показывают болгарский и итальянский языки при наслоении предикатных (признаковых) значений на иные по референции типы именных групп (комбинированные употребления).

Что именно дает возможность для таких сближений, вопреки разному исходному статусу неопределенного артикля в системе артиклевых показателей в итальянском и болгарском языках?

Мы полагаем, что это обусловлено инвариантным значением неопределенного артикля. Сделаем попытку обосновать наше видение.

2. Теоретические выводы. Проведенные сопоставительные наблюдения, как кажется, представляют основания вновь поставить вопрос об инвариантном значении неопределенного артикля – ‘один из многих возможных’.¹²

Следует отметить неоднозначность в трактовке самого поля неопределенности, прежде всего в связи с его гетерогенностью. В рамках референциального подхода, позволяющего охватить разные уровни формирования значения неопределенности, в общее поле неопределенности попадают: собственно прагматическая неопределенность объекта (слабо- и неопределенно-референтные употребления); неопределенность, связанная с невыбранностью, неиндивидуализированностью объекта, иначе – экзистенциальная квантификация (нереферентные употребления); неопределенность, понимаемая, по выражению Ревзина (Ревзин 1978: 172), как «нетермовость» (предикатные употребления).

Далее мы постараемся показать, что инвариантное значение ‘один из многих возможных’, имплицитное выделительную, или индивидуализирующую, функцию неопределенного артикля, так или иначе проявляется на всех уровнях общего поля неопределенности.

¹² Трактовка неопределенного артикля в предложенном ракурсе не нова, ср., заключение Ревзина: «...основным значением [неопределенного артикля] следуют признать экзистенциальность, а именно указание на существование объекта и возможность его выделения из соответствующей предметной области» (Ревзин 1978: 167).

Прояснение функциональной специфики болгарского *един* на фоне неопределенного артикля итальянского языка показало, что основные контексты, допускающие употребление *един* в разных типах референциальных употреблений, связаны с ситуацией выбора.

В неопределенно-референтных употреблениях *един* служит вычленению объекта из других объектов того же класса; в экзистенциальных – реализует индивидуализирующую семантику, вводя в рассмотрение объект как «один из многих возможных». В экзистенциальном типе употреблений индивидуализирующая семантика неопределенного артикля нейтрализуется за счет снятого утвердительного статуса пропозиции, и именная группа получает нереперентное прочтение. Итальянский артикль *un* как грамматический показатель неопределенности имеет более абстрактное – экзистенциальное – значение, указывая на существование, но невыбранность объекта, однако он может употребляться и в контекстах более яркого проявления индивидуализирующей семантики (напр., экземплифицирующих).

Неспособность неопределенного артикля в обоих языках оформлять именные группы с универсальным значением, указывающие на полный охват множества, равно как и ограничения на употребление неопределенного артикля при отрицании проявляются в свете индивидуализирующей семантики неопределенного артикля.

Предикатные употребления тоже соотносимы с выделительной функцией неопределенного артикля: в классифицирующем употреблении он указывает на определенный класс, выбранный (подобранный для субъекта) из множества других классов объектов.

В отличие от итальянского неопределенного артикля *un*, индивидуализирующая функция *един* распространяется только на однотипные множества объектов, что, предположительно, связано с его недостаточной абстрагированностью от этимологической связи с числительным. С этих позиций можно объяснить, с одной стороны, невозможность употребления *един* для выбора подходящей классифицирующей номинации (таксономическое употребление, «межклассовое множество»), а, с другой, – его проявление в субъективных характеризующих номинациях, подразумевающих выбор из «внутриклассового» множества.

На справедливость сделанного предположения как будто указывают и дополнительные семантические приращения, описанные для разных типов употреблений. В различных референциальных условиях инвариантный семантический признак ‘один из многих возможных’ допускает смысловое расширение. Оба артиклевых показателя, и болгарское *един*, и итальянское *un*, могут указывать на субъективность, условность, некатегоричность выбранной (т.е. одной из многих возможных) номинации (неопределенно-референтные, предикатные, комбинированные употре-

бления). Неопределенный артикль в большей мере обращен на субъект восприятия, он вводит описания чувственного переживания, рефлексию (ср. „рефлексирующее“ значение неопределенного артикля при поиске подходящей номинации; контексты сравнения, уподобления). Вообще говоря, значение субъективности и неопределенности пересекаются. Иное, экземплифицирующее, проявление инвариантного признака происходит в контексте гипотетически очерчиваемой ситуации (в экзистенциальных употреблениях).

В обоих языках неопределенный артикль имеет эмфатическое (интенсифицирующее) значение, реализуемое чаще всего в предикатных употреблениях или в комбинированных (прошедших через этап предикации); соотносится с этим значением и указание на «эталонного», а не типичного представителя класса в нереферентных именных группах в родовом употреблении. Болгарское *един*, в отличие от итальянского неопределенного артикля, может указывать на разную степень проявленности типичного признака объекта (от эмфатизации до полного отсутствия), в то время как для итальянского *un* типичным является эмфатическое употребление.

Указанное различие позволяет сделать предположение о разном генезисе интенсифицирующего употребления неопределенного артикля в болгарском и итальянском языках. В итальянском языке, как мы показали, интенсифицирующее употребление развилось на базе собственно артиклевого классифицирующего значения в результате эллипсиса ограничивающего определителя интенсифицирующей семантики, напр.: *Oggi fa un freddo tremendo* ‘Сегодня [un] холод ужасный’ – *Oggi fa un freddo...* ‘Сегодня [un/ такой] холод’ – *Un freddo!* ‘[un /Какой] холод!’.

Предполагать аналогичное развитие для болгарского *един* вряд ли возможно, т.к. эллипсис допустим, скорее, при реализации стандартной семантики, а в особых несобственно артиклевых предикатных употреблениях *един* реализует широкий спектр оценочных и экспрессивно-оценочных коннотаций. Скорее всего, интенсифицирующее значение *един* обусловлено его этимологическими связями и охватывает, как представляется, крайние полюса богатого полисемического спектра числительного «един» (*всего лишь один – один некоторый – один единственный – уникальный*).

Таким образом, основная зона пересечения/соприкосновения болгарского *един* и итальянского *un* представлена теми собственно артиклевыми значениями, в которых более четко проявляется инвариантный семантический признак ‘один из многих возможных’, а также дополнительными смысловыми приращениями, сформировавшимися на основе данного признака.

Библиография

- Алисова 2009: Алисова, Т.Б. *Очерки синтаксиса современного итальянского языка: Семантическая и грамматическая структура простого предложения*. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
- Асенова 2009: Асенова, П. *Балканско езикознание. Основни проблеми на балканския езиков съюз*. София, Фабер, 2002.
- Буров 2004: Буров, С. *Познанието в езика на българите. Граматично изследване на концептуалната категоризация на предметността*. В. Търново: Фабер, 2004.
- Зидарова 1996: Зидарова, В. Неопределителното местоимение *един* – семантика и контекст. – В: Юбилейна научна сесия на ВМИ: сборник доклади. Пловдив, 1996. 54–159.
- Иванова 2015: Иванова, Е.Ю. Артиклевая маркированность именных групп как средство оформления коммуникативных стратегий говорящего в болгарском языке. – In: *Типология морфосинтаксических параметров*. Вып. 2. М.: МПГУ, 2015. С. 90-114.
- Кабакчиев 1990: Кабакчиев, К. Отново за разновидностите на неопределеността в българския език: концептуална неадекватност, терминологична непоследователност и други проблеми. – *Съпоставително езикознание*, 1990, № 6, 41–49.
- Корзен 1982: Корзен, I. *Perchè Mario è medico ma non Mario è mascalzone? Sull'uso degli articoli nell'italiano con particolare riguardo al predicato del soggetto col tratto + umano*. – *Studi di grammatica italiana*, XI, 1982, 137–178.
- Корзен 1996: Корзен, I. *L'articolo italiano fra concetto ed entità: uno studio semantico-sintattico sugli articoli e sui sintagmi nominali italiani con o senza determinante – con un'indagine particolare sulla distribuzione del cosiddetto "articolo partitivo"*. Vol I-II. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, 1996.
- Косеска-Тошева, Гаргов 1990: Косеска-Тошева, В., Г. Гаргов. *Българско-полска съпоставителна граматика. Т.2: Семантичната категория определеност / неопределеност*. София: Академическо издателство «Проф. Марин Дринов», 1990.
- Лайънс 2003: Lyons, C. *Definiteness*. Cambridge University Press (Virtual Publishing), 2003.
- Лакова, Гаргов 1985: Лакова, М., Г. Гаргов. За категорията определеност / неопределеност като семантико-прагматична категория. – *Език и литература*, 1985, № 2, 32–40.
- Маровска 2013: Маровска, В. Т. *Референция и рефериране. В света на езика*. Пловдив: УИ «Паисий Хилендарски», 2013.
- Маслов 1981: Маслов, Ю.С. *Грамматика болгарского языка*. Москва: Высшая школа, 1981.
- Ницолова 2008: Ницолова, Р. *Българска граматика. Морфология*. София: УИ «Св. Климент Охридски», 2008.
- Падучева 1985: Падучева, Е. В. *Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений)*. Москва: Наука, 1985.

- Пенчев 1984: Пенчев, Й. *Строеж на българското изречение*. София: Наука и изкуство, 1984.
- Ревзин 1978: Ревзин, И. И. *Структура языка как моделирующей системы*. Москва: Наука, 1978.
- Ренци, Ванелли 1975: Renzi, L., L. Vanelli. “È un ingegnere” / “è ingegnere” (e anche “fa l’ingegnere”). – *Lingua nostra*, 36, 1975, 81–82.
- Ренци и др. 2001: Renzi, L., G. Salvi, A. Cardinaletti. *Grande grammatica italiana di consultazione. Vol. 1: La frase. I sintagmi nominale e preposizionale*. Bologna: Il Mulino, 2001.
- Серианни 2000: Serianni, L. *Grammatica, sintassi, dubbi*. Milano: Garzanti Libri, 2000.
- Стаменов 1985: Стаменов, Х. За употребата на *един* като показател за неопределеност в българския език (в сравнение с английски). – *Език и литература*, 1985, № 3, 33–44.
- Станков 1995: Станков, В. Семантични особености на категорията неопределеност на имената в българския език. – В: *Проблеми на граматичната система на българския език*. София: Академическо издателство «Проф. Марин Дринов», 1995. 87–150.
- Станков, Иванова 1989: Станков, В., М. Иванова. За неопределените именни синтагми, изразяващи специфичност / неспецифичност. – *Български език*, 1989, № 1, 14–27.
- Фирбас 1991: Firbas, J. Il funzionamento del dinamismo comunicativo nella prospettiva funzionale della frase. – In: Sornicola, R., A. Svoboda (eds). *Il campo di tensione. La sintassi della scuola di Praga*. Napoli: Liguori, 1991. 194–209.
- Фирбас 1992: Firbas, J. *Functional Sentence Perspective in Written and Spoken Communication*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Хауге 1987: Хауге, Х.Р. Опит за тълкуване на генеричната употреба на *един* в български език. – In: *Втори международен конгрес по българистика. Доклади 3: Съвременен български език*. София, 1987. С. 442–447.
- Хокинс 1978: Hawkins, J. A. *Definiteness and indefiniteness: a study in reference and grammaticality prediction*. London, Croom Helm, 1978.

*Неопределителният член в български и италиански език:
функционално-семантически паралели*

Елена Иванова
Виктория Лазарева

В статията се разглеждат българо-италиански паралели във функционалния и семантичен потенциал на именните групи, маркирани с неопределителен член. Мястото на неопределителния член в общата система на артиклевите маркери не е еднакво в съпоставяните езици: докато

в италианския основната опозиция е определителен – неопределителен член, в българския език основната роля в сферата на неопределеността се изпълнява от нулевия член (общата форма). В статията чрез прилагането на референциален подход се съпоставят функциите на неопределителен член в български и италиански език и се прави опит да се установи инвариантното му значение, което определя близката семантична вариативност на употребите му в двата езика

e-mail: e.y.ivanova@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская набережная, д. 7/9
Санкт-Петербург,
199034 Россия

e-mail: vlzareva@unisa.it
Università degli studi di Salerno
Via Giovanni Paolo II, 132
Dipartimento di Studi Umanistici
84084 Fisciano, SA
Italia